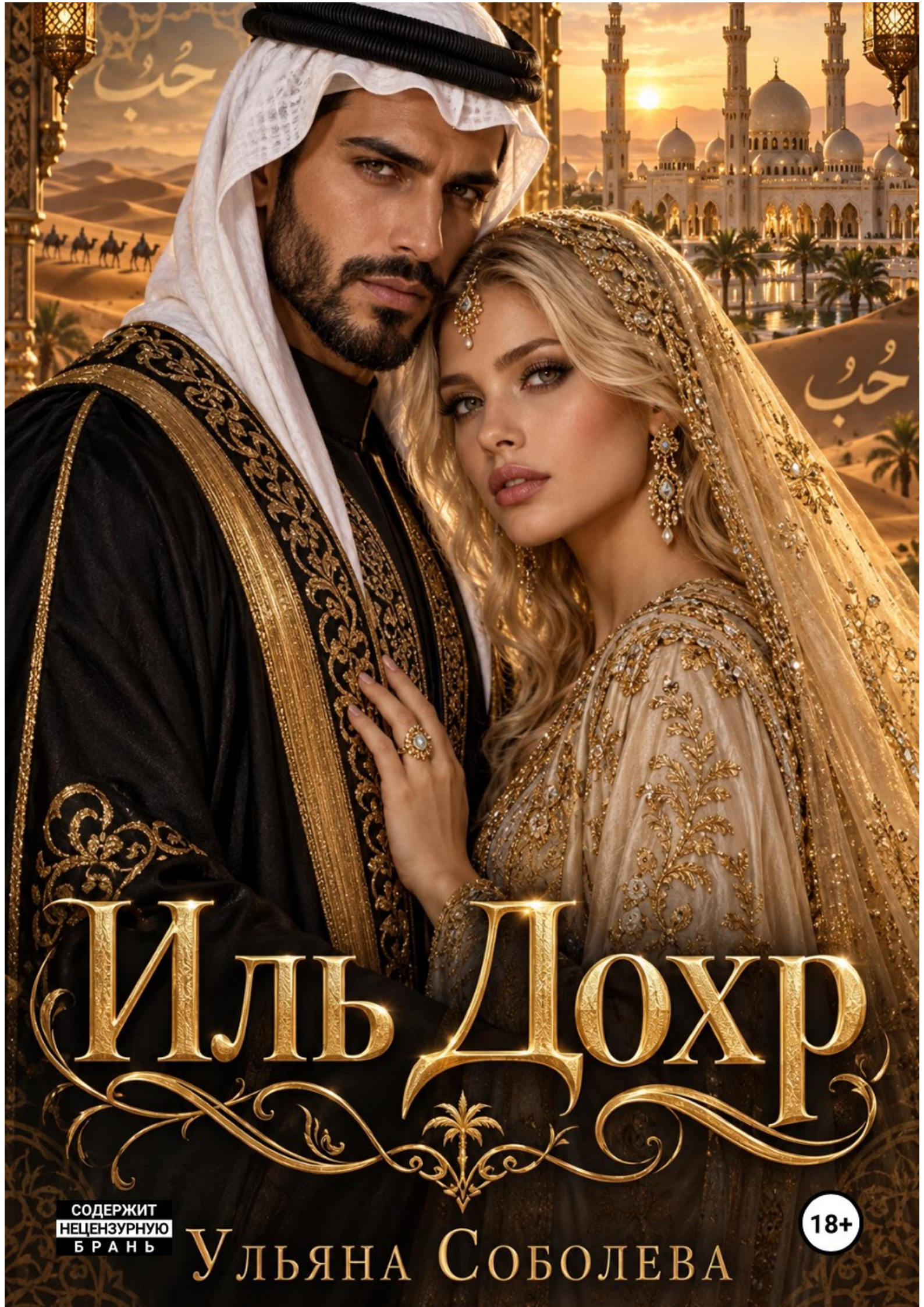

Иль Дохр

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ульяна Соболева

18+

Ульяна Соболева

Иль Аср

«Автор»

2026

Соболева У.

Иль Аср / У. Соболева — «Автор», 2026

Вика:Зыбучие пески тянут меня на дно пекла. Я потеряна, я уничтожена, я - пепел. Ползу на коленях, протягивая руки к своему палачу, но он слеп и глух к моим мольбам. Я больше не нужна ему.Ему нужны мои страдания и моя боль.Ахмад:Позволить ей снова разодрать мне сердце, позволить поставить меня на колени и стать послушным рабом?Никогда! Наверное, моя судьба смертельно болеть этой женщиной, но никогда не быть с ней счастливым.

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Соболева

Иль Аср

ИЛЬ АСР. ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Судьба Эмира

Книга 3

Ульяна Соболева

Аннотация

Вика:

Зыбучие пески тянут меня на дно пекла. Я потеряна, я уничтожена, я – пепел. Ползу на коленях, протягивая руки к своему палачу, но он слеп и глух к моим мольбам. Я больше не нужна ему.

Ему нужны мои страдания и моя боль.

Ахмад:

Позволить ей снова разодрать мне сердце, позволить поставить меня на колени и стать послушным рабом? Никогда! Наверное, моя судьба смертельно болеть этой женщиной, но никогда не быть с ней счастливым.

Глава 1

Я мог сколько угодно лгать самому себе, что смог забыть, сколько угодно говорить себе, что разлюбил и живу своей жизнью, что отомстил и могу успокоиться. Ни хрена я не успокоился. У меня под ребрами выжженная пустыня, у меня вместо сердца кусок мяса, покрытый вздувшимися рубцами. Аллаена разворотила мне душу и вытравила в ней все живое.

Я живу наполовину. Я, б*ядь, сны вижу только о ней. Отпустил? Хрена с два я смог ее отпустить... Даже после того, как узнал. После того, как нашел того ублюдка, который уничтожил мою семью и сделал из меня урод. Это было три месяца тому назад. Мы искали ЕЕ, а нашли эту мразь.

Я помню, как Самир пришел и сказал.

– Ахмад... я вышел на след! Я нашел!

– Ее?!

– Нет... Я нашел Владимира Зимина.

Застыл, всматриваясь в лицо друга, всматриваясь в его карие глаза и чувствуя, как пробежал холодок по спине. Как встали дыбом все волоски на теле только от звука его имени.

– Где?

Хрипло спросил и сглотнул ком, который впился в глотку. Сглотнул и не смог выдохнуть.

– На стройке, в одном из городов. Жил в вагончике для рабочих. Привез тебе в качестве подарка.

– Как нашел?

– Искали и по фамилии. Вышли на след всех Зиминых примерно его года рождения. Прорабатывали версию, что скрывается у отца. И нашли мразоту, опознали по шраму на ухе. Как ты когда-то рассказывал.

Я резко встал из-за стола, дернул воротник рубашки, потому что дышать стало нечем.

– Где он?

– Ждет тебя. Мы привезли его прямо сюда. Упаковали, немного украсили синяками, но он жив и здоров и готов с тобой пообщаться.

Я ощутил какое-то дуновение страха. Какой-то наплыв воспоминаний и детского ужаса и вместе с этим ярость и адскую злость. Я искал эту тварь долгие годы, я думал, что он умер, я перерыл каждый уголок той страны и не нашел. Тогда.

– Поехали!

В те мгновения все исчезло, все испарилось, и в глубине души остался лишь покалеченный мальчик, который встал с колен и теперь, истекая кровью, шел к своему убийце сквозь годы, чтобы выдрать ему сердце собственными руками.

Но они могли ошибиться. Это мог быть не он. И я готов был к разочарованию... Но стоило лишь увидеть силуэт, стоило лишь увидеть поворот головы и мерзкий профиль, как меня затошнило, и я узнал. Узнал суку. Его образ отпечатался в моем сердце, в каждой молекуле моего существа, в каждой грани моей души. Я ощутил его, я пропитался его смрадом, едва посмотрел. Все мое тело отреагировало всплеском адреналина. Это был он. Мой убийца. Спустя столько лет он почти не изменился. Только постарел, только волосы стали седые и обрюзгло лицо. Мешки под глазами, одутловатость от пьянства и мерзкие, маслянистые глаза, в которых живет смерть. Страшная в своем цинизме, беспричинности и необратимости. Смерть только потому, что кому-то захотелось убить.

Я вошел в сарай и медленно ступал по бетонному полу в сторону пленника. Он стоял на коленях, связанный, с опущенной головой и упавшими на лицо жирными, грязными пасмами волос. Первое, на что я посмотрел – это его ухо.

«Сейчас я вырежу на тебе кресты, ублюдок, не дергайся!

– Дяденька, пожалуйста, не надо!

– Надо, девочка, надо. Ты станешь моей девочкой, когда я отрежу тебе писюн. Крест на боку, вот так...Аааааааааа...сукаа! Ублюдок! Он отгрыз мне кусок уха! Мразь! На...! Получай! Пададь черножопая! На, сука!»

Я откусил ему тогда кусок мочки уха. Впился зубами и оторвал. За это он бил меня ногами по лицу и по голове, за это он выжигал на моем теле кресты. Но я помнил вкус его крови и мяса у себя на зубах.

– Зимин! – хрипло позвал я, и он поднял голову, глядя на меня заплывшими глазами и заставляя меня содрогнуться от воспоминаний. От одного взгляда на это лицо все шрамы заныли адской болью.

– Ты кто?

Какое-то время он смотрел на меня непонимающим взглядом. Я повернулся к нему выжженной частью лица, и он вдруг мерзко захохотал. Заржал, дёргаясь всем своим телом.

– Недомужик! Получлен! Мистер одно яйцо! Я узнал тебяяяя!

Удар ноги в голову, и он падает навзничь, прекращая хохотать и прижимая связанные руки к разбитому рту и выбитым передним зубам.

Я с ним не разговаривал. Больше ни одного слова и ни одного вопроса. Я сжигал по куску его плоти. Пальцы на руках, ногах, волосы на голове, нос, выжигал ему глаза...Он орал и молил о пощаде, он плакал, он молился, блевал, ссался и срался от ужаса и боли. Его мыли, и я приступал снова. Его член я приберег напоследок. И когда отросток резали тупым ножом, я хрипло сказал ему на ухо.

– Ты будешь оскопленный, безяйцевый самовар...глухонемой и слепой кусок мяса. Но я хочу, чтобы ты знал. Я нашел твою дочь. Я трахал ее, я драл ее во все дырки. А она, как и ты мразь. Предала меня. Но я – не ты...я не убиваю детей!

– У меня...у меня нет дочери! Не было никогда! У меня сын...сын. Но он умер. От менингита.

– Что?

Я схватил его за шиворот и приподнял с пола.

– Дочь! Виктория Зимина! И ее сестра Алена Зимина!

– Не моя...не было у меня дочерей никогда! Сын...только сын. И его нет. Если ты злишься на меня еще и за-за какой-то суки...то это не моя. Не моя. Пощади...пощадиии, Ахмад. Так, кажется, тебя звали. Ахмааад.

Я его пожалел. Ему отрезали член и яйца, а потом отрубили голову.

Потом я получил анализ ДНК. Теперь я точно знал, что Вика не дочь этой мрази.

Наверное, это был переломный момент. Момент, когда я решил отпустить. Момент, когда я отступил назад и принял решение, что больше ее не ищу.

Оно дорого мне стоило. Неделью адского воя, содранных ногтей, изрезанных тыльных сторон ладоней. Я хотел вырезать ее из себя. Я хотел, чтобы внутри меня больше не осталось воспоминаний.

Но у меня ничерта не получалось.

В дверь кабинета раздался стук и вошел один из моих людей.

– У ворот стоит какая-то женщина. Она хочет с вами поговорить...

– Прогоните! Я не хочу ни с кем разговаривать. Если нищая, дай ей денег или еды, и пусть убирается!

– Она...она просила отдать вам вот это.

Абу разжал ладонь, и я дернулся всем телом. На ней лежало украшение. Переплетенные цветы, усыпанные драгоценными камнями, и на одном из лепестков по-арабски написано «Виктория».

Глава 2

– Зови ее! Приведи сюда немедленно!

Сердце, казалось, забилося в горле, разрывая его набатом, мешая дышать, не давая даже пошевелиться. Я весь превратился в ожидание, весь подобрался и почувствовал, как покрывается бисеринками пота моя спина. Потому что я вдруг почувствовал... метнулся к окну, дернул штору в сторону и жадно впился в женщину взглядом. Ощутил, как несколько раз дернулось сердце и, кажется, легкие обожгло жаром. Мне не нужно было ее узнавать. Я ощутил кожей, каждой молекулой своего существа. Я уже знал, что это ОНА. Зачем? Сейчас я об этом не думал. Меня разодрало ликованием, разорвало радостью наркомана, который увидел свою дозу, который ощутил присутствие этой дозы, унюхал ее аромат. Его вены вздулись, его язык прилип к небу, а глотка пересохла в ожидании кайфа. Он был готов впрыснуть в себя этот яд и ощутить адское удовлетворение. Чтобы оно потекло по иссохшимся венам, чтобы оно продрало своей серной кислотой благодатные дыры, наполненные ядовитой жидкостью в пустыне моей души. Захотелось открыть окно и завопить – ВПУСТИТЕ БЫСТРЕЕ!

Но я сдержался, пошатываясь, как пьяный, прошел за свой стол, рухнул в кресло. Судорожно глотнул воздух. Я был не готов, что придет сама... был не готов, что вернется. Пока что не знал, что скажу, хотел увидеть. Жадно, алчно. Просто увидеть ее лицо. За эти месяцы я не просто истосковался. Я буквально измучился без него. Я ненавидел свои сны, я боялся прихода ночи и в то же время жаждал закрыть глаза и увидеть ЕЕ. Она стала моим наваждением.

Послышались шаги по коридору, дернул ворот рубашки дрожащими пальцами, всматриваясь в дверь. Не выдержал, вскочил, потом снова сел и впился взглядом в ноутбук. Дверь распахнулась.

Держусь, чтобы не сожрать глазами, держусь и понимаю, что сейчас сдохну. Словно лопаются сухожилия на крючьях силы воли, которые погнулись и отпустили измаявшееся сердце бесноваться дикими взглядами на ее лице.

Потому что это была ОНА. Закутанная в хиджаб. Но мне было достаточно посмотреть в глаза, чтобы захлебнуться отчаянием. Эти голубые хрустальные озера моего персонального безумия. Женщина, которая окунула меня в самую бездну ада. Смотрела на меня, и этот хрусталь начинал рыхлеть, словно озеро под порывом ветра.

– Зачем пришла? – хрипло выговорил я, и она вдруг сделала несколько шагов и рухнула на колени, хватая меня за ноги, подползая ко мне и впиваясь руками в мои штаны.

– Умоляю... помоги мне. Отдай сына! Верни мне моего мальчика! Заклинаю! Верни и можешь меня казнить, можешь разорвать меня на части, только дай мне его увидеть! Прошу!

Непонимающе смотрю на нее, на эти дрожащие руки, на слезы, текущие из глаз, и меня постепенно наполняет ярость, наполняет адская ядовитая злость. Она реально думает, что я забрал ее ребенка? Схватил ее под руку, сдавил и рывком поднял на ноги.

Рванул с ее головы тряпку, скрывающую яркое золото волос, и буквально чуть не застоялся, увидев яркие золотистые локоны, упавшие ей на плечи. Невольно зарылся в них пятерней. А потом жестко сжал и дернул ее к себе вверх.

– А как же твой муж? М? Что его не просишь?

– Он не ты... он не найдет!

– Знает, что ко мне пришла?

Отрицательно качает головой, и по щекам слезы текут.

– Его тоже предала. Шлюха.

Кивает послушно и облизывает пересохшие губы, а меня от вида ее языка трясет всего.

– Помоги...найди моего сына и можешь казнить меня, можешь делать со мной что угодно!

Смотрю на ее лицо, на хрустальные слезы, текущие по щекам, на пухлые губы и трясет всего, потому что знаю, что не отпущу. Что уже не дам уйти. Что мне теперь плевать на все и на всех. Потому что ОНА здесь.

– Тряпкой моей станешь, дыркой. Добровольной. Всегда ждущей, раскрытой и текущей. Моей сукой.

– Кем угодно...

– Мужу своему позвонишь и скажешь, что ты моя шлюха! Поняла?

– Найди моего сына...

Вцепился в ее волосы и дернул к себе, оскаливаясь и рыча прямо в лицо.

– Ты все еще считаешься убийцей моей дочери...ты все еще в розыске. Ты все еще та тварь, что сбежала от меня с другим мужиком, ты все еще та сука, что родила не от меня ребенка...

– Он твой! Найди его и убедись! Он твой!

Хочется верить, какой-то части меня невыносимо хочется ей верить. Но я помню, как она сбежала, помню, как узнал о ее браке, помню все. И ложь ее гадкую помню.

– Идем!

Послушно позволила подтащить себя к окну с противоположной части комнаты, я раздвинул штору и припечатал ее к стеклу.

– Смотри...Видишь там внизу...Видишь беременную женщину? Она ждет от меня сына. Она моя настоящая жена! Впрочем, ты ее знаешь...она ведь твоя сестра.

Ощутил, как женщина в моих руках обмякла и поползла по стеклу вниз, растопырив пальцы рук и оставляя влажные следы на окне. Упала на пол, прижимаясь лицом к стеклу.

– Алена?

– Алена. Моя законная жена, которая носит моего наследника и скоро родит. Так скажи – на хрена мне нужен чужой ребенок, если скоро родится мой собственный!

– Тот...тот тоже твой!

Пролепетала она и схватила меня за руки, обожгла ладони своими прохладными пальцами, захотелось сдавить их, стиснуть до боли. Прикасаюсь, трогать так, чтоб кожа дымилась.

– Зачем эта ложь?

– Твой...помоги найти моего сына, Ахмад. Твоего сына. Помоги найти, и я сделаю все, что ты захочешь!

Глава 3

Ранее...

Когда я пришел в себя, ее уже унесли. У меня гудело в голове, адским набатом отстреливало в висках, и я не мог понять, какого хрена произошло. Только кровь на простынях... и помутнение в голове, образы, ощущение пустоты и понимания, что ЕЕ со мной не было. Тогда кто был? Мой член в крови, вокруг пальцев запутался клок волос... светлых волос. Но это не ЕЕ волосы.

Осмотрелся по сторонам и вдруг все понял. Выскочил из комнаты.

– ГДЕЕЕЕЕ?! – адским рыком на слуг, пока не увидел Самиду, которая выбежала ко мне.

– Тшшшш... тихо, тихо, мой мальчик, мой лев. Все хорошо.

– Что хорошо? Где Алена? Где девочка? Она жива?

– Жива. Увезли в больницу. Врачи уже ею занимаются. Все хорошо. Твои люди там, за всем следят, все оплачено.

– Я...ее...

– Ты не думал, что это она. Не вини себя.

– Мама Самадааа, я ее...девочку эту... я ее...

Обхватил плечи тети, а она наклонила мою голову к себе на плечо.

– Тшшшш... все хорошо, Ахмад, мой лев. Все хорошо. Девочка будет жить. Ею занимаются врачи.

– Врачи... – пробормотал я, обхватывая голову руками и чувствуя себя тварью, падалью. Редким ублюдком. Как я мог тронуть ее. Она же мне как...как дочь! Как сестра! Я бы никогда. У меня же даже не дергался на нее. Как, б*ядь?

– Виски..., – пробормотал я, – что-то было в гребаном виски! Где Самир? Самир, мать твою! Пес! Где ты?

Я ворвался в его комнату, стянул его за шкурку с кушетки и придавил к стене.

– Что было в виски? Что, твою гребаную, сучью мать, было в виски?

– Немного для расслабления...не более. Хотел, чтоб ты расслабился, хотел, чтоб ты отдохнул, Ахмад. Ты же как натянутая тетива. Ты словно порванный нерв.

– Б*яяяядь! – за морду его пятерней – Я из-за тебя! Я такое сделал! Я! Еще раз! Еще раз ты примешь какие-то решения за меня, я лично оторву тебе башку, я снесу ее на хер!

В душ! Смывать с себя ледяной водой свое собственное безумие, свою тоску, свою боль, свою одержимость. Стоять под холодными каплями и приходить в себя, осознавать, что сделал.

Я был груб с женщинами, я мог заставлять их испытывать боль...но я бы никогда не тронул эту девочку. Твою ж мать!

В больницу ехал и не знал, что скажу, не знал, как в глаза ей посмотрю. Трусил, потому что нахаркал в самую святость. И думать об этом даже не мог. Прошел длинными коридорами с накинутым на плечи халатом. С врачом не встречался. Во всем разбирался Самир. Он же мне и доложил все по состоянию.

– Ее физическое состояние удовлетворительное. Несколько гематом, пару ссадин. Кости целы, внутренние органы целы.

– А...психически?

– С ней работал психолог. На самом деле все намного лучше, чем можно было ожидать. Тебе надо с ней поговорить. И успокоиться.

Поговорить. С девочкой, которую я терзал и ломал, приняв за другую.

Сидит на краешке постели, рисует на салфетке что-то шариковой ручкой. Совсем ребенок. Внутри все выворачивается наизнанку. У меня к ней даже ощущений как к женщине нет. Даже не воспринимаю. И когда думаю о том, что я ее трахал, начинает тошнить.

– Алена... – позвал, и она вскинула голову. Ожидал увидеть ужас на ее лице, ожидал, что она будет смотреть на меня с презрением, но этого не произошло. Она смотрела с жалостью и с пониманием. Я ощутил себя бешеным псом, который покусал ребенка, упал на колени и обнял ее ноги. Ощутил, как она гладит мои волосы, и всхлипнул.

– Я знаю, что там с тобой была не я.

Напрягся, сжимая худые коленки.

– Это не меня ты... а ее... Вику. Ее наказывал, ее любил, ее терзал. Я знаю.

Судорожно глотнул горечь во рту, самому противно от себя.

– Не вини себя... ты был не ты. Это был злой, испуганный, страдающий зверь. Он плакал от боли. Я помню, как он плакал. Я ему позволила бесноваться.

– Прости...

– Я его простила. Он не ведал, что творит.

Она говорит, а я чувствую себя еще большим ублюдком, чувствую себя скотиной. Понимаю, что все знают о том, что было. Понимаю, что начнут шептаться, оскорблять, могут на улице зашвырять камнями. Однажды я не смог защитить и потерял. Однажды я сам себя уничтожил. Решение пришло мгновенно. Я еще не был уверен, я еще сомневался.

Но когда вернулся домой, меня встретила Самада.

– Что решил, мой лев? Ведь ты принял какое-то решение?

– Я не позволю, чтоб ее хоть кто-то оскорбил!

– Это будет хорошая партия, Ахмад. Скрамная, покорная, любящая тебя жена. Жена, которая уважает твою семью, уважает меня, будет соблюдать традиции.

Самада словно читала мои мысли. А еще... впервые она была согласна с моим выбором и поддерживала его.

– Мне нужно, чтобы все было оформлено задним числом. Чтобы имам засвидетельствовал о никахе.

– Он засвидетельствует. Найдутся и свидетели первой брачной ночи. Простыни еще не стираны.

Вскинул голову и встретился с ней взглядом.

– Я же твоя мать. Пусть и не биологическая. Но я знаю тебя, знаю твое благородное сердце. Я предполагала, что ты решишь все исправить. Мой мальчик честный и сильный мужчина, отвечающий за свои поступки.

– А она... она может отказаться.

– Не откажется. Оставь это мне, сынок. Я поговорю с ней. А еще... еще я вижу то, что не видит никто. Я вижу, как эта девочка любит тебя и совсем не как сестра.

Спустя шесть недель...

Самада зашла в кабинет врача и прикрыла за собой дверь.

– Как все прошло?

– Все получилось.

Она аж выдохнула и вздрогнула, засияла от радости.

– Точно?

– Точно. Вот результаты анализа крови. Мы повторили его несколько раз. Беременность наступила.

– Я надеюсь, в этот раз будет без сюрпризов!

– Я ничего не могу обещать... и вы знаете почему. Есть риски. Они большие.

– К черту! Наши предки вообще об этом не задумывались, и, как видите, мы не вымерли. Проверяйте, следите за здоровьем и состоянием. Чтобы снова не родились слепые недоделки! И ...не дай Аллах, это будет девочка!

Врач вежливо кивнул и почтительно склонил голову.

– Ждете вознаграждения? Вот! Как и договаривались!

Бросила сверток на стол.

– Наличка. Скажи мне, то, что у нее с головой не все в порядке, не отразится на беременности?

– Не должно. Окружите ее покоем.

– Потом вы должны помочь мне избавиться от нее! Помните уговор?

– Конечно. Все будет сделано в самом лучшем виде. Как и в прошлый раз.

Вышла из кабинета, сияя триумфом, радуясь своей победе. Еще одна попытка. И в этот раз она не проиграет. Слишком много поставлено на карту. Да и время поджимает. Она уже не молода.

Поправила черный платок, опираясь на палку, прошла к машине. Водитель помог ей сесть, подал сумочку.

– В офис Ахмада. Мне надо поговорить с ним.

Глава 4

– Пришла просить тебя.

Невольно залюбовалась его высоким ростом, мощной фигурой и непослушными волосами, где на висках появились первые ниточки серебра. Какая адская гордость всегда брала при взгляде на него, какая невиданная сладость наблюдать за ним и осознавать, что он принадлежит ей, даже не зная об этом. Повернулся к Самиде, и она сразу отметила, что он чем-то озабочен, что его лицо как всегда мрачное, в этот раз какое-то особо ожесточенное. Есть что-то, чего она не знает?

Слишком занята была своими делами.

– Я к тебе по важному делу, мой мальчик.

– Могла бы просто хотеть меня увидеть.

– И это тоже.

Подошла, погладила по щеке...Вспоминая, как однажды нашла его в сарае с ножом в руке. Он смотрел на себя в зеркало и готовился полоснуть себя по щекам. Изуродовать еще больше. Тогда она забрала у него нож, а он долго плакал у нее на груди. Она гладила его волосы и думала о том, что теперь ее брат с ней в вечности, и она больше не позволит им расстаться. Он послан ей самим небом. Она спасла его и будет заботиться о нем. Она устроит его жизнь. Он ее будущее. Ее бессмертие.

– Алена беременна.

Вздрыгнул, как от удара, хотел отшвырнуть ее руку, но она не дала.

– Я договорилась...имам запишет все задним числом. Для всех она станет твоей женой, принявшей ислам.

Какое-то время он молчал. Смотрел куда-то перед собой влажными карими глазами, смотрел, сжимая челюсти и руки в кулаки.

– Она знает?

– Пока нет... но я поговорю с ней. Мы нашли общий язык, едва она появилась в доме. Я объясню ей все. С ней работает психолог. Все будет хорошо...

– Что в этом хорошего, мама Самиды? Что? Я изнасиловал почти ребенка, она беременна! Я не люблю ее, не хочу ее, она для меня, как младшая сестра, как дочь! Я никогда не смогу с ней быть...мужем!

– И не надо. Она как раз и не станет настаивать. Она нежная и покорная. Продолжай любить ее, как сестру. Рядом с ней ты всегда будешь свободен.

– Мне кажется, это кощунство...это высшая мера цинизма жениться на ней и заставить родить для меня.

– Тебе нужен наследник! Тебе нужно обелить свое имя после всего, что случилось! Она выйдет из больницы, устроим праздник! Отметим, люди будут знать, что у тебя все хорошо, что ибн Бей на плаву! Что ничто не угрожает твоему имени. Потом объявим о том, что ты ждешь наследника.

Все сложится как нельзя лучше, Ахмад. Впереди сделка с халифом. Будучи женатым, ты станешь иметь больше веса в его глазах.

Снова отошел к окну, а она залюбовалась его грацией, его походкой и ровной спиной. Если у них родится сын, он будет так же красив и величественен.

Он будет похож на них обоих. Это будет великолепный, гениальный и невероятный ребенок, которого она так жаждала получить. Никто не узнает. А она всегда будет рядом с ними... и сможет любить их обоих. Разве не гениален ее план? Разве она не приблизилась в нем к самому Аллаху. Она, как творец, создает человека. Своими руками. Свое подобие.

А еще она так интересно играет судьбами тех, кто в ее власти.

– Ты права. Мне нужно жениться на девочке и защитить ее от скандала, дать имя своему ребенку и обеспечить его будущее. Зови своего имама. Подготовь Алену.

– Верное решение, мой лев. И еще...у меня небольшая просьба.

– Какая?

– Азиза...ты помнишь, служанка той предательницы-шлюхи...Какова хозяйка, такова и прислуга. Азиза родила. Не так давно. Отца, конечно, нет...я в свое время брала ее на свою ответственность. Я заботилась о ней и помнила ее еще ребенком. Если она вернется в деревню с ребенком, ее просто уничтожат.

– И чем я могу помочь? Если она нагуляла младенца, пусть отвечает за свои поступки!

– Азиза была в нашем доме с самого твоего детства, она верна нашей семье. Ее родители были преданы мне. Я не могу ее вот так бросить.

– И что ты предлагаешь?

– Выдай ее замуж за Самира...пусть признает ребенка своим.

Ахмад резко обернулся, и Самида стойко выдержала его взгляд.

– Когда-то тебя укусила ядовитая змея, и Азиза первая, кто бросился тебе на помощь. Она высосала яд, и ты остался жив. Долги надо возвращать, сынок.

– Самир не согласится жениться шлюхе!

– Ты умеешь убеждать, мой лев. Убеди...все тот же имам выдаст документ задним числом. Азиза будет благодарна нам. Нужно совершать добрые дела. Аллах все видит.

– Я поговорю с Самиром.

– Ты его убедишь...ты можешь, я знаю. Азиза ожидает нашей милости, и я обещала, что помогу ей. Взамен она будет преданно служить. Пусть станет помощницей Алены...кстати, надо дать ей другое имя. Я подумаю над этим.

– Пусть будет по-твоему. Разве могу я тебе отказать?

Поцеловал ее руку, и вся краска прилила к ее лицу. Много она бы отдала, чтобы этот поцелуй был не сыновий...но она была рада довольствоваться и этим.

Шаг вперед, но он перехватывает меня рукой и не дает идти.

– Куда?

– Там...там моя сестра.

– Там моя жена! – грубо говорит он и смотрит на меня жутко, исподлобья. И я понимаю. Что не могу сделать даже шаг. Понимаю. Что теперь он полон адской ненависти, еще ядовитей, чем та, что была когда-то. – Ты не приблизишься к ней, ты не обидишь ее, ты ничего не сделаешь.

– Обидеть? Как я могу ее обидеть?

Прищурился, и мне кажется, что не было месяцев оттепели, не было тех дней, когда он становился со мной другим. Все забыто, все похоронено, и я больше не имею право голоса. Хотя разве я его имела когда-то?

– Тебе не о чем говорить с моей женой, нечего обсуждать. Она не опустится до такой, как ты.

«Какой? Что ж ты так адски ненавидишь меня, Ахмад? За что?». Но я молчу. Я боюсь, что он меня выгонит, откажет мне, боюсь, что передумает и не станет искать нашего сына. Моего Сашеньку, моего мальчика, без которого я и жизни не представляю. Меня раздрает на части от боли, от ревности, от непонимания, от желания обнять сестру и в то же время от понимания, что она теперь далека от меня.

– Я хочу, чтобы ты позвонила своему мужу.

С непониманием посмотрела на него, чувствуя, как у меня подкашиваются колени и уже нет сил сопротивляться, нет сил противоречить.

– Зачем? – одними губами спрашиваю я и вижу, как каменеет лицо Ахмада, как оно становится похожим на гранитный монумент. Его черты заостряются, твердеют.

– Чтобы рассказать ему, кто ты теперь и где ты. Наверное, он ищет тебя, переживает. Вот позвони и скажи, успокой. Звони, я сказал! – рывкнул и сунул сотовый мне в руки. Дрожащими пальцами взяла у него смартфон.

– Что такое? Боишься?

– Если ты узнаешь, где он... ты его... ты его убьешь? Как Рамиля?

– Волнуешься за своего е*аря? Да?

Рывкнул прямо мне в лицо, схватив меня пятерней за щеки и удерживая горячими, как кипяток, пальцами. Что бы я сейчас не сказала, он воспримет не так. И рассказывать о том, что для меня Азим был только другом, спасителем, помощником, совершенно бесполезно.

– Он не заслужил смерти..., – тихо прошептала я, опуская глаза, не в силах выдержать пронзительный взгляд черных, как сама бездна, глаз.

– А что он заслужил?

– Я скажу ему все, что ты хочешь... отпусти его.

Расхохотался мне в лицо, продолжая удерживать жестокими пальцами.

– Ради него на все, да? Тогда звони! Хочу услышать, как ты скажешь, что принадлежишь мне и что сама пришла сюда. Звони!

– Ты его не тронешь?

– Я трону тебя! Готова расплачиваться за него?

Кивнула и увидела, как исказились черты Ахмада. Как он побледнел. Отпустил меня и кивнул на сотовый. Я набрала номер, тяжело дыша и ожидая пока ответит Азим. Это был тайный номер, который знала только я и должна была на него звонить, если что-то случится. У меня был такой же сотовый, но я его выбросила, чтобы Азим не звонил и не нашел меня. Я все тогда продумала. Не смогла смириться с потерей сына.

– Да! Вика!

– Азим!

– Где ты? Что с тобой? Тебя похитили?

– Нет! Я сама ушла... я теперь принадлежу Ахмаду ибн Бею. Я его любовница и ушла к нему добровольно. Не ищи меня, пожалуйста.

Говорю, а у самой глаза наполняются слезами, и не потому, что вру Азиму, а потому что больно говорить о себе такое, больно осознавать, что, взлетев так высоко, я упала теперь ниже самого дна. Тот, кто хотел назвать меня своей женой, теперь относится ко мне, как мусору...

– Ты врешь! Он заставил тебя, да?

– Нет... я сама пришла к нему. Добровольно. Я хочу принадлежать ему.

– Зачем ты это сделала, Вика?

– Потому что... потому что я люблю его!

Вскинула взгляд на Ахмада, но ни один мускул на его лице даже не дрогнул. Он стоит и смотрит на меня, сжав губы в тонкую линию. И не знает, что я говорю правду. Я люблю его... действительно люблю своего страшного палача, люблю человека, который причинил мне столько боли и еще причинит. Но он единственный, кто может найти моего мальчика. Потому что он сам дьявол.

Отключила звонок, продолжая смотреть ему в глаза. Отобрал у меня сотовый, отшвырнул в сторону. Сделал шаг ко мне, а я один назад от него. Рывком схватил за шею, заглядывая в глаза.

– Ты что наделала... Вика? Ты зачем убила нас?

Его голос прозвучал надломлено, надтреснуто, так как будто из его огромных до невыносимости красивых больших глаз сейчас потекут слезы. Они заблестели, стали влажными, и

я сдвинула руки в кулаки, чтобы не вскинуть их и не дотронуться кончиками пальцев до его ресниц.

Что я могу ему сказать? В свое оправдание? Что иначе он убил бы меня? Что я испугалась?

– Спасалась от тебя...

– И в итоге сама пришла ко мне...приползла на коленях.

Глава 5

Стою перед ним, трепеща... я уже давно другая. Меня изменила разлука, меня изменил он сам, меня изменило рождение нашего ребенка. Я не пришла сюда показать свою гордость, я приползла сломленная, показать ему, насколько я готова склонить голову. Я больше не та Вика, которая мечтала сопротивляться, хотела войны, хотела бежать... я пришла обратно – просить.

– Приползла... хочешь я встану на колени и буду умолять тебя? Я сделаю все, что ты хочешь, Ахмад.

Произнесла его имя, и он вздрогнул всем телом. И я вместе с ним. Потому что его имя перекачивается на моем языке, и я понимаю, что мне нравится его произносить. Это имя стало частью меня, это имя вплелось в мои вены, потекло по ним, закипело вместе с адреналином, оставляя отпечатки внутри всего моего тела.

– Все, что хочу... наверное, надо было раньше... Теперь поздно умолять, Аллаена.

– Прошу тебя... дай мне шанс, дай нам шанс. Я пришла к тебе сама.

– Запомни, то, что ты сюда пришла, ничего не меняет! То, что ты сюда пришла, говорит только о твоей наглости и... глупости. Ты совершила ошибку!

Повернул меня к себе схватив за плечо, всматриваясь в мое лицо. Пусть я совершила ошибку! Пусть! Я бы сделала это снова! Я бы снова пришла к нему, потому что больше не к кому.

– Ты предала меня, ты бежала от меня, ты разрушила все, что ... – он не договорил, его голос дрогнул.

– У меня не было выбора.

– Выбор есть всегда!

Стиснул мое лицо, приближая меня к себе еще ближе, так что наше дыхание переплетается, и мне становится жарко только от мысли, что мы сейчас в сантиметре друг от друга.

У меня перехватило дыхание... его красота. Такая завораживающая, такая яркая и в то же время страшная. И мне кажется, что я никогда не замечала, насколько красивые у него глаза, насколько они глубокие, насколько черные и непримиримые и в то же время завлекающие, бархатные. Смуглый, очень темный, кожа отливает золотом. Все черты лица правильные, симметричные, идеальные. И если бы не шрамы от ожогов, он бы был невероятно прекрасен... но я уже не вижу этих шрамов. И эти губы. Какие же у него невероятные губы. Очень полные, сочные, припухлые. Всегда красные, четко очерченные, выделяющиеся на лице. Они настолько чувственные, что мне хочется к ним прикоснуться, хочется тронуть их кончиками пальцев. Я вдруг подумала о том, что он так давно не целовал меня... что у нас было так мало поцелуев. Почему-то ничтожно мало.

Глаза сверлят меня, прожигая насквозь. И я вдруг вспоминаю, на что способен этот человек, насколько жестоким он может быть, насколько беспощадным и хладнокровным.

– Ты выбрала предательство... трусливая, жалкая, самая настоящая Аллаена...

– Я выбрала жизнь!

– Зачем же сейчас пришла за смертью?

Очень тихо прошептал и схватил мои волосы, сжимая их на затылке, оттягивая назад так, чтоб я запрокинула голову. Так, чтоб смотрела на него снизу и ... эти губы были так близко, так предательски близко, напоминая о том, что когда-то я, наверное, могла иметь право их поцеловать... целует ли их моя сестра? Целует ли он ее? От боли сердце зашлось и закровоточило, я даже не удержалась и всхлипнула.

Пусть и мне достанется немного его поцелуев... пусть эти губы коснутся моих. Спустя столько времени, спустя долгие месяцы и я как будто оголодавшая, иссохшаяся по его губам.

Боже! Я сумасшедшая. Мой палач навис надо мной, он говорит о смерти, а я смотрю на его губы, и мое тело дрожит. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного даже с ним, никогда не было этой тоски и томления...этого понимания, что я в его власти, что он может распоряжаться мной и не только силой, а мощью своего адского притяжения.

Схватил за скулы, всматриваясь в мое лицо, провел пальцами по моим глазам, моему носу, моим губам.

– Почему я подыхаю от жажды, Аллаена? Почему мне хочется сейчас пить? Почему, б*ядь... вместо того, чтобы свернуть тебе шею, я хочу тебя пить? Проклятая сука...чем ты околдовала меня, чем приворожила. Я чокнутый психопат.

Как же тоскливо он смотрит, сколько боли в этом взгляде. И когда он пропитывается страданием, становится невыносимо прекрасным. Жестокость тает, растворяется в этой боли. Вскинула руки, впиваясь в его волосы, притягивая к себе.

– Пей...захлебнись мною, Ахмад!

Хотеть целовать своего палача, своего убийцу. Того, кто поклялся убить меня, и даже сейчас смотрит на меня с адской ненавистью. Человек, который был всегда жесток ко мне, взял меня очень грубо в нашу первую ночь и никогда не был нежен со мной. Но я чувствую к нему что-то запредельное, что-то, не поддающееся моему пониманию, что-то очень острое, въедающееся в мое сердце и заставляющее захлебываться от водоворота стихии, который переворачивает все внутри и швыряет меня к этому человеку. Швыряет ждать и искать его поцелуев, его губ, его ласк. И это ненормально, я понимаю и ничего не могу изменить. Он мой первый, мой единственный, отец моего ребенка.

Привлек к себе еще ближе, накрыл грудь ладонью, требовательно сжал, приподнимая снизу, захватывая всей пятерней. Властно, жестко. И внутри меня возрождается адское желание, чтобы ничего не прекращалось, чтобы он трогал меня, чтобы содрал одежду, чтобы взял меня прямо здесь. Все тело пронизало, прошибло разрядами. Раньше никогда такого не было, а сейчас словно я изголодалась, иссохлась по его рукам и только их и ждала. Наклонился прямо к моим губам. Еще секунда и поцелует, вопьется в них своим алчным ртом, возьмет мой рот своими губами, языком. Но ничего не произошло, он удержал меня за волосы и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я больше не хочу тебя, Аллаена. Больше не хочу прикасаться к тебе, целовать тебя, марать свои руки о твое грязное оттраханное Азимом тело. Я брезгую тобой...

Это было не просто больно, а адски, невыносимо больно, как будто он разом сорвал с меня всю кожу, вырвал ее вместе с мясом.

– После кого-то ты мне не нужна. От тебя воняет им...воняет его потом, его руками, его мерзким присутствием.

– Ахмаад...

Тяну к нему руки, но он отшвыривает их в сторону и силой отталкивает меня от себя. Так что я чуть ли не падаю, шатаюсь на подогнувшихся коленях. Я не верю, что слышу это от него. А он проходит через весь кабинет и садится в кресло, закидывает ногу на ногу, потом смотрит на меня исподлобья.

– Зачем ты пришла? Я уже давно не ищу тебя. Почему ты решила, что я стану помогать тебе?

– Но...но ты же сказал, ты же хотел, чтоб я была с тобой, стала твоей, я согласилась, я позвонила Азиму, я...

– Я! Понимаешь, что самое главное из того, что ты говоришь – это Я! О тебе, для тебя. А теперь скажи, чего не хватало тебе? Я разве не был к тебе добр? Ты не получала все, что ты хочешь? Ты не была королевой в этом доме, и я не поднял тебя к себе?

Опустила глаза...что я ему скажу, что верю в то, что он чудовище, что испугалась казни и расправы. Поверила Азиму?

– Нам не о чем говорить, Аллаена. Может быть, моим первым порывом и было помочь тебе, но я остыл. Мне это не нужно...Решай свои проблемы сама!

Я сдвинула пальцы обеих рук, стиснула их до боли. Потому что он никогда не был так холоден. Никогда раньше. Мне захотелось схватить его за руки, захотелось увидеть его иным, пусть даже яростным, ненавидящим и горящим от этой ненависти, но не таким холодным.

– Я испугалась... Аят пришла в себя и обвинила меня.

Ахмад вскинул голову и посмотрел на меня своими обжигающими черными глазами, глазами, лишаящими силы воли, заставляющими мурашки бежать по коже.

Если он так смотрит на меня...если все еще не равнодушен ко мне, то у меня есть надежда...

– И это по-твоему оправдывает твой побег с другим мужиком, твое предательство, твое замужество и рождение ребенка!?

Я должна его убедить, должна заставить поверить мне. Иначе у моего малыша не будет шансов.

– Твоего ребенка!

– Хватит! – рявкнул так яростно, что у меня заложило уши. Он вскочил с кресла, пересек комнату в два шага и склонился надо мной. От его холодности не осталось и следа.

– Моего ребенка? Мой ребенок погиб внутри тебя. Разве ты не оплакивала его и не смотрела на меня, как на убийцу? Врачи сказали, что он погиб... или ты мысленно зачала еще одного? Трахалась с ним, а забеременела от меня? Ты меня за идиота держишь?

– Врачи ошиблись... они не увидели, потому что не сделали ультразвук...не знаю, почему не увидели. Но ребенок остался жив.

– Ложь! Только для того, чтобы я его нашел. Может, его украл его отец! Попроси Азима найти твоего сына!

– Он не ты...он не найдет. И это не его сын. Он знает об этом.

– Я тоже знаю, что это не мой сын! Уходи, Аллаена! Я не буду тебе помогать! Я не стану искать твоего ребенка! А тебя не хочу видеть. Зачем мне чужая шармута! Я могу купить сотни других!

Глава 6

– Я...была твоей женой...пусть не по вашим законам...Я приняла твою религию.

Он расхохотался. Унизительно, мерзко, так мерзко, что у меня все зашло внутри от этого смеха.

– Приняла, чтоб совершить никах с другим! Тебе даже быть здесь наедине со мной нельзя! Ты предала меня и бросила своего мужа! Кто ты...что ты за дрянь, Аллаена? Я женат на твоей сестре, она ждет от меня ребенка. Ты пришла сюда предложить мне трахать тебя. Кто ты... я могу назвать тебя только одним словом – ты шлюха. Обыкновенная, подлая, продажная баба.

Нет, он не говорит это в ярости, он равнодушен, он отчужден. Он настолько далек от меня, что меня начинает тошнить от этого расстояния.

– Ты говорил...говорил, что я дорога тебе.

– Если бы ты была мне дорога, я вел бы себя иначе. Ты ничто и никто. Я даже перестал искать тебя. Или ты возомнила, что я захотел бы себе замужнюю сучку, которая понесла от другого? Как только я узнал, что ты брюхатая, я перестал вас искать. На хера ты мне нужна? Я не люблю, не хочу тебя, я не думаю о тебе!

Он словно ударил меня в солнечное сплетение, ударил ногой со всей силы, так что весь дух вышибло, и я не смогла сделать даже глоток воздуха.

– Это такое наказание, да, Ахмад? Ты гонишь меня, чтоб я мучилась? Чтоб я... чтоб я страдала, да?

В ответ прозвучал тихий смех. Уже даже не раздраженный.

– Какого высокого мнения ты о себе, Аллаена. Мне не интересно тебя наказывать. Да и за что? Ты перестала принадлежать мне, отдалась другому, выбрала его. Уходи. Сделай одолжение и перестань унижаться! Меня тошнит от тебя и от твоей лжи!

Он закурил кальян, выпустил толстые кольца дыма, запрокинул голову, прикрывая глаза. На его пальце толстое обручальное кольцо. Раньше не было. По сердцу полоснуло лезвием, и я словно захлебнулась кровью. Стало адски больно.

– Ты на меня не смотришь...но это все еще я. Ты называл меня Вика. Ты перестал называть меня Аллаена. Посмотри на меня, Ахмад. Это все еще я. И я пришла умолять тебя.

Чувственные губы растянулись в усмешке. Такие красивые, полные, изогнутые. Я вспомнила, как несколько минут назад они почти соприкоснулись с моими, и он хотел этого. Я видела голод в его глазах.

– Конечно, это все еще ты. Я не слепец. Я тебя прекрасно вижу и слышу.

Выпускает кольца дыма и смотрит сквозь них в никуда. А мне так хочется, чтоб он взглянул на меня.

– Я пришла к тебе. Я все осознала. Я вернулась и готова понести любую кару. Прими меня, Ахмад...Дай мне шанс.

– Я просил персик, а мне подсунили манго. Никому и ничего нельзя доверять.

Выпустил еще кольца дыма, а я захлебывалась отчаянием и болью от его равнодушия.

– Ахмад...ты меня слышишь?

– Прекрасно слышу. Ты приходишь сюда из-под своего Азима, вылазишь из-под его члена и прешься ко мне сюда. Тебе насрать, что я женат на твоей сестре, тебе насрать, что она ждет от меня ребенка. Ты прибежала, чтобы предложить свою использованную дырку мне, чтобы я нашел твоего сына. Тебе по хер, что я говорю «нет», тебе на все по хер. Потому что ты уверена, что тебе не откажут. Я все правильно услышал? Ничего не пропустил?

Повернулся ко мне и наконец-то посмотрел в глаза. И нет, в них больше нет холода и безразличия. Только от этого еще больнее. Его взгляд тяжелый, как каменная гранитная глыба. Она тянет меня на дно болота, в котором я захлебнусь в грязи. Хотела приблизиться к нему, но он сделал предостерегающий жест.

– Мне нравится больше, когда ты стоишь подальше от меня!

Я не хотела его слышать, я была сломлена, унижена, растоптана. Разве могло быть хуже. Я шла к нему, наперекор его словам. Шла и поражалась, как сильно мне хочется сломать эту стену, увидеть его другим. А еще... мне кружит голову его запах. Если я сейчас протяну руки и обниму его, прижмусь к нему всем телом, начну целовать его шрамы, его глаза, его губы. Он же говорил, что его мучила жажда. Я дам напиться нам обоим.

– И все? Вот так все закончится? Ты... ты прогонишь меня?

Встал, и я задыхнулась от того, как возвысился надо мной, насколько я стала маленькой.

– Да, я прогоняю тебя! Ты все правильно поняла!

Как же унижительно это звучит, но он и не думает быть со мной учтивым. Он намеренно бьет меня, намеренно тыкает лицом в грязь.

– Мне некуда идти... Ты заставил меня позвонить моему... Азиму. И...

Он скривился, когда я сказала моему, и я осеклась, не смогла продолжить дальше.

– Что такое? Твой Азим не примет тебя теперь? Почему? Потому что будет знать, что ты трахалась со мной? Так какого хрена ты считаешь, что тебя приму я? Все кончено. Уходи. Мне все равно, куда ты пойдешь. Ты свободна. Ты хотела этой свободы. Мне плевать на тебя!

– Ты злился, потому что я сбежала с ним... но это в прошлом. Вот она я, вернулась. К тебе.

– И что теперь? Ты думала, я запрыгаю от радости?

Ему было все равно, что я говорю. Я словно исчезла и стала пустым местом. И чем больше я что-то просила, тем сильнее ощущалась вырастающая между нами стена.

– Плевать на меня? Плевать на все, через что мы прошли вместе? Я думала... думала, ты мог бы полюбить меня!

Рванул меня за руки к себе, удерживая чуть выше локтей и заглядывая мне в глаза.

– А ты смогла? Ты полюбила?

– Да!

Усмехнулся криво своим красивым чувственным ртом.

– А я вот не смог! Точнее, смог... я смог, но я так же смог и разлюбить тебя! Понимаешь? Все исчезло! Пыф! Взорвалось, сторело! Ничего к тебе нет кроме презрения!

Пока он говорил, казалось, что я умираю. Казалось, что он убивает меня. Вонзает нож мне в сердце и проворачивает его там. Неужели Ахмад сможет отказаться от меня?

– Все! Аллаена! Все кончено! Не люблю я тебя! Пусто внутри меня! Ты все сожгла! Мне все равно, что ты вернулась, мне все равно, даже если ты с ним не спала... хотя я уверен, что спала! Но мне насрать, понимаешь? Я бы все равно не простил тебя и не прощу. Уметь прощать дано не всем, и это не мое достоинство! Уходи! Убирайся на хер отсюда!

Рывкнул мне в лицо, и я зажмурилась.

– Зачем ты так со мной? – тихо прошептала, не открывая глаз, чувствуя, как больно выворачивает сердце наизнанку, как оно истекает кровью и корежится от каждого его слова.

– Кажется, я ответил на этот вопрос несколько раз, ответил развернуто, или ты отупела и оглохла за это время?

– Ты мне врешь... ты не можешь хотеть, чтоб я ушла. Это не правда.

Его смех был до отвращения ужасен, пробирал до костей своей циничностью.

– Спектакль окончен. Тряпки падают, публика визжит и плачет! Все! Фенита ля комедия!

Это был совсем другой Ахмад. Он больше не был похож на себя, таким, каким я его знала, перед тем как все случилось. Это был тот Ахмад, который украл меня у своего сына.

Лишь с одним огромным отличием – тогда он хотел меня, а сейчас в нем нет даже страсти ко мне, и это самое жуткое.

– Что ты смотришь на меня, как будто я говорю не на твоём языке. Я слышал, что после родов у женщин наступает атрофия мозгов, но не думал, что с тобой может произойти то же самое.

Это пытка, это какое-то адское издевательство, от которого, кажется, с меня снимают кожу живьем. Я не могу слышать столько презрения, столько гадливости в его голосе.

Впилась руками в его плечи и приблизилась к нему сама.

– Ты...ты не можешь со мной вот так. Что бы ты не говорил, как бы не унижал меня. Это твой ребенок. Если я и сошла с ума, то от горя, потому что пропал твой ребенок. Твой и мой. Наш ребенок. Ты можешь отрицать, можешь говорить мне мерзости, можешь прогонять меня, но это ничего не изменит...просто кто-то украл нашего ребенка, и неизвестно, что сделает с ним...мучает, убивает, издевается. Над. Твоим. Ребенком! Найди его и проверь! Сделай чертов тест ДНК.

Были какие-то доли секунд, когда я увидела сомнение в его глазах, увидела там какой-то луч света, какую-то эмоцию. И я впилась в эту эмоцию, ухватила за нее, вцепилась в нее негнущимися пальцами, прижимаясь к нему всем своим телом, обнимая за шею. Порождать эти сомнения, посеять их, чтобы засомневался, чтобы поверил мне хотя бы немного. Захлебнулась восторгом, когда его сильные руки сдавили мою талию, когда яростно впечатали меня в себя. Даже голова закружилась.

– Да... я смогла. Смогла тебя полюбить. Мне просто стало страшно... я испугалась, что они настроят тебя против меня, испугалась. Это моя вина, моя трусость, мое малодушие. Я так жалела, я хотела прийти к тебе... ты снился мне каждую ночь. Я думала о тебе не переставая. И... наш сын, он так похож на тебя. Я назвала его Искандер...Александр...Он твой. Ты бы только взглянул на него и понял, что он твой.

Ахмад скинул мои руки и оттолкнул меня от себя так же резко, как и прижал.

– Я не помогу тебе...Сама ищи своего ребенка!

– Ты...ты, и правда, чудовище! Ты такой, как о тебе говорят! У тебя нет сердца, и ты не любил меня! Потому что любовь не проходит, любовь не забывается и не исчезает. Нельзя любить по собственному желанию!

Схватил за лицо и приблизил к себе.

– Да! Я чудовище! Я тварь! И могу позволить себе любить по своему желанию, разлюбить по своему желанию и послать на хер тоже по своему желанию! Тем более ту, что меня предала! Ту, что унизила меня, ту, что очернила мое имя, вышла замуж, родила...Это все была ты, Аллаена. Я не прощаю тех, кто меня предает! И да... я не верю тебе.

– Но... я испугалась, я боялась за свою жизнь! Меня называли убийцей!

– Как легко спрятаться за страхом. Ты должна была верить мне! Я никогда не давал тебя в обиду... а когда ...когда тебя посмели тронуть, они об этом сильно пожалели! Я шкуру снимал живьем с тех, кто причинили тебе боль. Разве я мог убить тебя? Как ты любила, если ты не верила в меня, мне, в нас? Что ты любила?

– Я очень хочу, чтобы ты простил меня, Ахмад...

– Простить? Предательство, побег, то, что бегала и скрывалась от меня месяцами, путала следы...бегала с ним вместе и везде...везде все знали, что ты его, принадлежишь ему! За это простить? Нееет! Ты пришла мне запудрить мозги! Ты пришла не потому, что любишь меня! Черта с два! Ты пришла, чтоб я сделал то, что ты хочешь! Нашел твоего ребенка. Ведь даже если он потом окажется не моим, я все равно нашел его! Ведь так?

– Нееет...нет.

– Ты убила меня. Ты выдрала мое сердце и похоронила меня живьем!

Схватил за горло и теперь был в миллиметре от моего лица, его горячая ладонь давила мне шею и становилось трудно дышать.

– Правда в том, что я не хочу тебя больше видеть! Правда в том, что ты мне не нужна. Я не стану искать ТВОЕГО ребенка. Потому что ты лжешь!

– Не лгу! Клянусь тебе! Он твой! Клянусь своей жизнью! Клянусь...

– Клянись его жизнью! Если я...если я вдруг решу помочь тебе и найду его, если он окажется не моим, он умрет! Согласна?

Внутри все похолодело, и я с ужасом посмотрела в жуткое лицо Ахмада. Оно было поистине страшным. Он смотрел на меня, скривив рот и оскалив зубы. Его глаза стали черными, как бездна.

– Согласна? Что? Страшно?

– Нет! Не страшно! Я знаю, что он твой! Мне нечего бояться!

– Я сверну ему шею, если анализ будет отрицательным! И тебе вместе с ним!

– Я знаю, что это твой ребенок! У меня никогда и никого не было кроме тебя. Ты первый и ты последний!

Глава 7

– Как вовремя мы говорим о детях, Аллаена. Как вовремя ты используешь именно это оружие против меня. Такое действенное. Убойное и беспроязвительное.

Он отпустил меня, и я пошатнулась, стало неуютно без его рук, без его близости. Стало одиноко и больно. Передо мной вращается весь мир, и мое отчаяние так велико, что кажется, этот мир просто рушится вдребезги. Я хочу дотронуться до него, хочу снова ощутить себя внутри кольца его рук, пусть и жестоких, пусть таких ранящих и холодных. Но только пусть не отпускает. Не отрекается от меня.

– Какая знаменитая женская уловка. Ты непревзойденная, моя дорогая Аллаена. Я не ошибся, когда восхищался тобой и твоей способностью влиться в обстановку. Интересно, если бы твой сын не пропал, что бы ты делала? Пришла бы ко мне или счастливо жила со своим мужем? М? Как долго ты собиралась лгать ему, мне?

– Он...он знал, что ребенок твой.

– Но ты собиралась прийти ко мне и рассказать? Собиралась принести нашего сына и отдать его в руки отца, дать мне посмотреть на него. Ты даже имя дала ему самостоятельно.

– Я не знаю...может быть, я пришла бы!

– Ложь! Ты бы не пришла! Ты бы прекрасно чувствовала себя рядом с Азимом. Если он такой идиот и взял на себя чужого ребенка. Ничерта ты не собиралась мне рассказать. Я так бы и считал своего ребенка выкинутым тобой, я бы никогда не догадался. Он бы носил чужую фамилию. Ты предала меня дважды, Аллаена. Ты предала не только меня, но и ребенка. Потому что ему ты бы лгала точно так же.

– Прости...

– Как легко сказать «прости», как легко просто, на хер, сказать гребаное и никому не нужное прости. Как легко прийти именно тогда, когда тебе это стало нужно. И только сейчас рассказать мне о сыне! Сколько времени прошло с его рождения? М? Ты ведь не сразу пришла! Ты вначале искала сама, да? Сколько искала? Говори!

– Шесть месяцев... – ответила и по щекам покатились слезы. Шесть месяцев мучительных поисков, растрченных денег, слез и боли. Шесть месяцев смерти.

– Шесть месяцев ты надеялась найти его и вернуть в СВОЮ семью. Не мне, не ко мне в дом. А к твоему мужу! Вот, что ты делала, Аллаена. И когда поняла, что не справилась, когда окончательно отчаялась. Только тогда ты пришла!

– Я бы и так пришла... я скучала по тебе, Ахмад. Я думала о тебе...о нас...

– Заткнись!

А ведь на самом деле все, что я сейчас говорю, не имеет никакого значения. Наши отношения мертвы. И это все равно что пинать труп в попытках что-то оживить. Все кончено. Если он так говорит, то в нем, и правда, все умерло...Только как я смогу с этим жить. Оказывается, его нелюбовь ранит меня намного сильнее и острее, чем желание и похоть когда-то ранили ненавидящую Аллаену.

Теперь он смотрел на меня, скрестив руки на груди.

– Я думаю, что тебе нужно время осознать, что теперь я женат. Женат и люблю другую женщину – твою сестру. У нее родится наш законный ребенок. И это будет сын. Перестань ломать комедию и орать здесь, чтобы не расстроить Бахиру. У твоей сестры теперь прекрасное мусульманское имя, она чтит религию, она верна мне. Она покорная и добрая жена. Я даже мечтать не мог, что стану настолько счастливым.

Это был удар в солнечное сплетение. Удар сильный и безжалостный, удар такой мощи, что у меня буквально подогнулись колени. Я ожидала чего угодно...но не того, что он скажет

мне, как счастлив с другой. И эта другая...она моя Аленка. Моя сестра. Моя маленькая рыбка. Как такое вообще могло произойти.

– Счастливым?... – я повторила это слово, и оно застряло у меня в горле, – А она? Она с тобой счастлива, Ахмад?

Словно в ответ на мой вопрос издалека послышался смех Алены и детский хохот Аят. Они там вдвоем. Играют в саду. И да...так смеется только счастливая женщина.

– Мне нужна от тебя одна формальность...бумаги о разводе. Светском разводе. Мне нужно, чтобы ты их подписала. Я хочу заключить брак с Бахирой и расписаться с ней.

Он бил и бил меня. Бил так остро, так четко, что от каждого удара мне становилось нечем дышать.

– Хорошо... я подпишу все, что нужно. Только найди моего сына.

– Вот и прекрасно. Я очень рад, что ты начала понимать и принимать все условия. Есть еще одно не менее важное.

– Какое? – спросила я, едва шевеля пересохшими губами.

– Когда я найду ребенка и будет доказано, что он мой – я заберу его у тебя. Он будет воспитан мною, в моей семье и официально усыновлен моей законной женой.

– Ты... – это меня добило, и я не выдержала, облокотилась о стену, потому что стоять уже было очень сложно. В голове начинало шуметь, там нарастал адский дикий вой.

– Монстр? Да, я монстр, Аллаена. Но я просто не хочу, чтоб мой ребенок рос рядом со шлюхой матерью. Тебе нечего дать моему сыну, если он мой, конечно. Тебе принесут бумаги, и ты отречешься от него письменно.

– Зачем? Зачем мне от него отрекаться?

– Когда он вырастет и однажды ты захочешь солгать ему, однажды ты захочешь рассказать свою лживую правду – я отдам ему эту бумагу, в которой ты сама отреклась от него. Или... или ищи своего сына сама!

Мне казалось, что мое сердце вот-вот остановится. Оно почти не трепыхалось, почти не шевелилось. Мне кажется, я умирала, потому что это была не просто боль – это был крошечный ад.

– Я...я все напишу, Ахмад. Все напишу.

– Радует, что хотя бы сына ты любишь... и твое гнилое сердце способно хотя бы на эту любовь.

– Что будет со мной? Мне некуда идти...

– Можешь подойти к Лейле, она занимается прислугой. Скажи, что я приказал дать тебе работу. Это все, что я могу для тебя сделать.

Больше я не была ему интересна. Он встал с кресла, накинул пиджак. Спрятал портсигар в карман.

– Тебе принесут воды. Попей, успокойся и иди к Лейле, если она ничего не найдет, ищи работу в городе. Завтра подпишешь все необходимые бумаги.

На его лице читался триумф. Было видно, что он наслаждается моей болью. Он просто поглощает ее всем своим существом, насыщается ею, как вампир. Как же дико мне не хотелось давать ему вот так уйти. Остановить, заставить вспомнить, почувствовать.

– Ахмад! – схватила его за рукав, потом за ладонь, и он вздрогнул, когда я к нему прикоснулась. Боже, как же это унижительно. Но я не могу остановиться, я падаю на колени, обхватывая его ноги руками и не давая уйти, прижимаюсь заплаканным лицом к его брюкам, сильно сжимая пальцы, чтобы помешать ему двинуться с места. Он уйдет, он оставит меня, и все действительно кончится...я не могу с этим смириться, не могу принять.

– Ахмад...прости, прости меня. Я не понимала, что я творю. Я люблю тебя, я не смогу без тебя жить, Ахмад. Я не умею без тебя жить.

– Зачем? – стряхивает мои руки, – Зачем ты это делаешь? Ради жалости? Ради чего? Но мне не жаль тебя! Пойми! Я наслаждаюсь тем, что тебе больно, Аллаена! Потому что долгое время мне тоже было больно! И тебе было насрать! Ты прекрасно обходилась без меня со своим новым мужем. И я перегорел... Уйди с дороги!

Он ушел, а я медленно сползла на пол и легла на него, глядя в пустоту остекленевшим взглядом. Я сгораю изнутри. Мне так больно, что я даже не могу дышать. Это не мог быть тот Ахмад, что сам стоял передо мной на коленях... это не может быть он. Вот и все. Теперь я знаю. Что больше ничего не вернуть, что он не любит меня, не хочет меня, ненавидит и презирает. Я больше ни на что не надеялась. Оставалось только верить, что Ахмад найдет моего мальчика. Найдет и вернет его... пусть даже он не будет со мной. Пусть он получит все почести, которые положены сыну эмира.

Я все решил. Не знаю, в какой момент было принято именно это решение. У меня не было времени на обдумывание, потому что я не был готов к ее появлению. Больше всего на свете мне хотелось свернуть ей шею. Жизнь превратилась в какой-то крошечный ад, в невыносимое адское пекло. И все, о чем я мечтал, все, что было так важно для меня, все, на чем строилось мое будущее, превратилось в пепел. В тлен. Она изменилась. Стала другой рядом с ним... покорной, что ли, просящей. Я ее такой не знал, и больше всего злило, что это лицемерие, что это только для того, чтобы я нашел ребенка. Верил ли я, что он мой? Скорее нет, чем да... Хотя после того, как она на все согласилась, я готов был поверить. Но кто знает, какую подлость она еще затаила. Я найду ребенка, и с кем она сбежит тогда, перед кем раздвинет свои ноги? Шлюха!

Но чем больше я ее ненавидел, тем сильнее была моя одержимость ею. Тем ярче мое безумие. Я любил ее, и ничто не могло убить эту проклятую любовь внутри меня. Я всегда буду корчиться в тоске по ней... по этой твари.

Я... наверное, мог бы простить ей измену. Наверное. Это не стало бы для меня смертельной отравой, но я не мог простить ложь, простить вот это лицемерие. Если бы она пришла раньше. Полгода назад. Сразу. Ко мне. Если бы рассказала сразу, что ждет нашего ребенка... да, б*ядь, пусть чужого, но пришла бы честно просить, не лгать... я бы помог. Но меня вывернуло от понимания, что меня используют, что из меня делают идиота. Она согласилась спать со мной, быть моей подстилкой в то время, как замужем за другим, согласилась отдаваться мне по первому зову. А я хотел ее душу, я хотел, чтоб она любила меня. Хотел, чтоб она возбуждалась от моих ласк, жаждала моих прикосновений. Единственная женщина, от которой я этого хотел. С которой мне не нужно было корчиться от боли.

Я вдыхал ее запах, пока она прижималась ко мне в своих мольбах, и сходил от него с ума. Мне до безумия хотелось целовать ее волосы, ее пальцы, ее шею и ее тело.

Я вспоминал, как резал эти пальцы лезвиями, и плакал как ребенок, когда думал о том, что больше не прикоснусь к ней. Что ее трогает другой мужчина, покрывает своим телом, вгоняет в нее свой член. Я знаю, что не смогу ее забыть. Ненависти недостаточно. Все мои слова – голый блеф, и я бы не дал ей уйти в никуда. Как долго меня будет ломать по ней? Как долго будет выкручивать душу и выворачивать сердце?

Когда выходил из кабинета, хотелось орать и выть от отчаяния. И я знал, что будет больнее. Особенно сейчас, когда она рядом.

– Самир... поговори с Лейлой. Аллаена должна остаться в этом доме. Пусть найдет для нее работу. Так, чтоб я мог все это контролировать!

– Снова Аллаена!

– Я не просил твоего мнения!

– Сама будет недовольна.

– Ее мнения тоже никто не спрашивал.

– Убийца твоей дочери в этом доме! Никто этого не потерпит. Пойдут сплетни. В деревне быстро узнают.

– Я думаю, ты умеешь закрывать рты. Кажется, за это я плачу тебе. Я хочу, чтобы ее устроили в западной части дома в отдельной комнате. Я хочу, чтобы за ней присматривал мой человек. И о каждой малейшей проблеме вы докладывали мне.

Самир смотрел на меня, сильно сжав челюсти. С момента его женитьбы прошло несколько месяцев. Я не спрашивал его, счастлив ли он. Мы вообще не говорили на эту тему. Он молчал, и я молчал. Знал, что ребенка он записал на свое имя и дал ему свою фамилию. Он беспрекословно подчинился мне, когда я обязал его жениться на Азизе.

Впрочем, не просто так... я тоже на многое закрывал глаза.

– Эта женщина принесет несчастья в твой дом, мой господин. Эта женщина уже принесла столько боли. Прогони ее.

– С каких пор ты указываешь мне, что делать?! Я сказал, принять ее и обустроить. И проследить, чтобы она не пересекалась с моей женой. Ни слова больше! Не зли меня. Я не настроен слушать от тебя нравоучения. Займись делом. И еще... как твоя семья, Самир? Жена радуется тебе?

– У меня хорошая жена, мой господин. Покорная, верная, добрая. Она все успевает по дому, она готовит вкусную еду и присматривает за хозяйством. Я ею доволен.

– А ее сын?

– Он растет...

– Как ты к нему?

– Наверное, так же как и ты, мой господин, к Рамилю. Но... есть некоторые проблемы. Азиза хорошая жена... но она не очень хорошая мать. Может быть, ей тяжело, может быть, ребенок и дом отнимают все ее ресурсы... но она может не подходить, когда он кричит, забыть поменять ему белье, покормить. Может оставить его одного в комнате мокрого и кричащего. У нее нет молока... так сложилось. И она кормит его смесями. Иногда просто забывает покормить, и он кричит.

– Иногда женщины так ведут себя. Иногда не принимают своих детей. Моя вторая жена хотела девочек убить еще в собственной утробе. Может быть, найти ей помощницу...

– Я бы не хотел свои проблемы рассказывать тебе и... нагружать моего господина.

– Хм... пусть Аллаена присматривает за ее ребенком. Она хотела для себя работу. Пусть прислуживает своей служанке.

Самир испуганно посмотрел на меня, кажется, идея ему не понравилась.

– Аллаена?

– Да. Она все равно останется в этом доме. Пусть помогает Азизе присматривать за ребенком и справляться с работой.

Что может быть более унижительным, чем стать слугой своей же прислуги. Мне до безумия понравилась эта идея.

Глава 8

Лейла заставила меня ждать больше часа, сидя на скамейке возле ее рабочей комнаты. Я не помнила ее со времен, когда жила в этом доме на совсем иных правах. Сейчас ко мне относились хуже, чем к прислуге. Когда наконец-то женщина во всем черном позвала меня, я судорожно сжала пальцы. Наверное, она меня не возьмет. У нее такие страшные глаза и этот черный цвет. Как будто она в трауре.

Я прошла за ней следом в комнату, где стояли аккуратно коробки на полках, лежали какие-то свертки. Ее комната была похожа на склад. Посередине стол, журнал, в котором она все записывала от руки, и прозрачная высокая чашка с черным чаем.

Этим чаем пахло все помещение. Она смешивала его с мятой.

– Присаживайся, – сказала на арабском, и я села напротив стола. Она долго еще что-то высматривала в журнале, отмечала, слюнявила палец и переворачивала страницы.

– Я пришла...

– Я знаю, зачем ты пришла.

Я замолчала, потому что она всем своим видом заткнула мне рот. Спорить не хотелось. Я была раздавлена разговором с Ахмадом. Я была этим разговором убита. Наверное, нужно было уйти с гордо поднятой головой, но у меня этой гордости не осталось. Я хотела знать, что он ищет моего сына. А еще мне было некуда идти, и я бы уже не вернулась к Азиму. Это слишком унижительно.

– У меня для тебя ничего нет. Прислугу только набрали, кухня переполнена, конюшни... там тоже работников хватает. В прачечной все забито.

– Я... готова на любую работу.

– Кто бы сомневался.

Проворчала она и снова порылась в книге. Потом посмотрела на меня небольшими черными глазами, очень пронзительными и пытливыми.

– Есть кое-что... но оплаты не будет. Работаешь за еду, крышу над головой и одежду.

– Я согласна!

– Я еще не предложила. Может, ты не подходишь. Надо, чтоб тебя увидели.

– Кто?

– Та, у кого ты станешь прислуживать. Я могу оформить тебя на работу нянкой к одной из наших работниц. У нее маленький ребенок, и он мешает ей выполнять свои важные обязанности.

Нянкой к ребенку прислуги... Я на что угодно пойду. Хоть поломойкой.

– Я согласна.

– Ладно... особых кандидатур у меня сейчас нет. Только ты. Так что выбирать не из кого. В твои обязанности входит забота о ребенке, помощь по дому. Если нужно будет, тебя отправят на любой участок, и ты будешь выполнять то, что тебе скажут.

Я согласно кивала и была очень рада, что для меня нашлось хотя бы что-то. Потому что вначале нашего разговора я отчаялась.

– В этом доме много правил... Ты должна их выучить и строго им соответствовать. Ты не имеешь права входить в покои хозяев, разговаривать с ними, приближаться к ним. Ты – чернь, и работа у тебя самая черновая. С мужчинами не флиртовать, за разврат увольнение, вести себя скромно. Не пить, не курить. Тебе выдадут три сменных одежды, твоя комната будет находиться в правой части дома. Пока что это единственный вариант... я бы разместила тебя с прислугой, но сейчас нет мест, так что тебе достанется одна из хороших комнат для гостей. Ты получишь набор всех необходимых вещей. Мыло, полотенца, расческу, средства для гигиены и

так далее. В комнате все будет. Если что-то нужно – за снабжение отвечаю я. Ты приходишь ко мне, и мы посмотрим, что можно сделать. Ко всему относиться экономно. Мыло и дезодоранты выдаются раз в месяц. Так что, если ты выльешь на себя весь бутылек мыла или шампуня, то следующий не получишь и будешь ходить грязная... А за это могут и уволить. Вещи относишь в стирку раз в неделю по вторникам. Ко всему относиться бережно.

– Я поняла.

– Вот и хорошо, что поняла... а еще слуги знают, кто ты такая. Поэтому води себя потише. В любой момент кому-то может прийти в голову наказать тебя. Я просто предупреждаю. Детей хозяина здесь очень любят... и сплетни быстро расходятся по дому и по деревне. То, что тебя приняли в этот дом, великая милость хозяина.

Внутри неприятно похолодело. Значит меня считают убийцей и ненавидят. Никто не разуверил людей в моей невиновности.

Какое-то время я ожидала за дверью. Потом Лейла вышла со стопкой одежды, полотенце и пакетом. Она позвала какого-то мальчишку и велела ему помочь мне все отнести в комнату. Мальчишка зыркал на меня карими глазами с любопытством и с неким презрением. Я не знала, кто он такой, а он, кажется, прекрасно знал, кто такая я.

– Ибрагим, покажи Аллаене ее комнату, потом принеси бутылку с водой ко мне в кабинет.

Мальчишка что-то крикнул в ответ – то ли согласие, то ли перебивая Лейлу. Он шел впереди меня довольно быстро, и я еле за ним поспевала. Мы действительно направлялись не в комнаты для прислуги, а в ту часть дома, которая была ближе к хозяйским комнатам. Не знаю, радовало меня это или огорчало. Я сейчас вообще ничего не знала. Я была сплошным ноющим шрамом, незаживающей обнаженной раной. Когда вы идете просить с надеждой, а в вас всаживают тупой нож и кромсают вам ваше сердце, то эта надежда истекает кровавыми слезами и корчится в агонии... но все еще верит, что ей подадут руку, чтобы она встала с колен.

Когда он открыл комнату, и я вошла в нее, мальчик положил мои вещи на стул, и уже у самого порога прошипел

– Шармута!

И убежал. Я пошатнулась, стараясь сдержать стон от резкой боли после этого оскорбления. Потом подошла к двери. Прикрыла ее и обессиленно рухнула на пол. Казалось, мое тело покинули все силы. Я разрыдалась. Я плакала так долго, что у меня потемнело в глазах и опухло все лицо. Потом поползла в ванну, умылась, посмотрела на себя в зеркало. Жалкая, растрепанная, с опухшими глазами и исхудавшим лицом, с большими синяками от недосыпа и нервов. Я конечно же уже не такая красивая как раньше, и он больше не восхищается мной, не смотрит на меня с запалом, не хочет меня... он сам сказал мне об этом. Да и зачем ему я... у него есть Алена. Молодая, красивая, ждущая от него ребенка.

О божееее! Я когда-нибудь смогу воспринять это спокойно. Алена и Ахмад... Как? Он ухаживал за ней? Он... возил ее кататься на лошадях, он устраивал с ней пикники, он... он брал ее так же голодно и яростно, как меня? Он любит ее? Почему-то в том, что она его любит, я не сомневалась. Это не просто ревность. Это какая-то адская черная пелена, которая окутывает все мое существо рваным полотном тоски и боли.

В дверь постучали, и я снова ополоснула лицо водой и пошла открывать. Когда распахнула дверь, то увидела Азизу и от радости вскрикнула, бросилась ее обнимать... но меня никто не обнял в ответ. Потом холодно отстранила и посмотрела на меня равнодушными глазами та, кто была моей опорой, моей, можно сказать, подругой в этом страшном месте.

– Ты будешь работать у меня, Аллаена... но я этому совершенно не рада и предпочла бы кого угодно, только не тебя! – сказала Азиза с чувством превосходства, и я ощутила, как бледнею.

Сжав зубы, я попыталась сохранить хоть какую-то долю достоинства, несмотря на ее пренебрежительные слова. Она, несомненно, наслаждалась своей властью, заставляя меня чувствовать себя неполноценной. Отшатнулась от не вглубь комнаты, а она нагло вошла через порог и закрыла за собой дверь.

– Твое мнение обо мне не столь важно, как ты думаешь, – ответила я, стараясь скрыть свою растерянность. – Я здесь не по своей воле, и я не собираюсь выполнять роль, которую ты мне навязываешь.

Азиза усмехнулась, словно наслаждаясь моим беспомощным положением. Никогда не думала, что ее глаза могут сверкать такой ненавистью и неприязнью. Казалось, она презирает меня. И от этого становилось невыносимо больно.

– Ты можешь высказывать свое мнение, насколько это позволено в твоём положении, но ты все равно будешь служить мне. Постарайся не забывать об этом, – произнесла она, оставив меня с мерзким ощущением адского бессилия перед этой новой, жестокой реальностью.

Азиза медленно приближалась ко мне, словно хищница, наслаждающаяся своей добычей и тем, что я не могу ничего сделать. Я в таком положении, что даже не могу возразить, не могу ничего сказать. Слишком все шатко. Одна секунда, и меня могут выгнать. И тогда я проиграю. И мой малыш... его никто не найдет.

– Аллаена, Вика, – прозвучал ее голос, наполненный насмешкой. – Ты действительно считаешь, что здесь что-то тебе принадлежит? Этот дом — теперь мой мир, а ты всего лишь пыль на моем пути. Сама сделала меня главной. Теперь я присматриваю за этим домом и за всем, что здесь происходит.

Я встретила ее взгляд, не поддаваясь ее провокациям. Не понимая, что произошло, почему столько язвительности, столько яда. Неужели она верит тому, что говорят обо мне... за что?

– Азиза, я здесь не для того, чтобы враждовать с тобой. Вспомни, что когда-то ты была в моей власти и я всегда была добра к тебе, – я старалась сгладить углы, старалась вызвать в ней воспоминания, какую-то крупницу чувств ко мне. – Всегда помни об этом. Если в тебе осталась хоть капля благодарности.

Она усмехнулась, ее глаза сверкали злорадством.

– Смелая. Но не забывай, что твоя судьба теперь в моих руках, милая. Я могу сделать твою жизнь адом или раем, как захочу.

Мои кулаки сжались от негодования, но я старалась не потерять контроль. Возможно, меня нарочно провоцируют, чтоб я отказалась от работы и ушла. Вспомнились слова Азиза, что в этом доме никто меня не любил и что, едва я потеряю покровительство хозяина, меня сожрут живьем.

– Ты можешь пытаться, но я не дам тебе уничтожить меня, – сказала я, глядя ей в глаза и не отступая.

Азиза приблизилась еще ближе, ее лицо почти касалось моего лица.

– Надеюсь, ты уже утратила свою чрезмерную гордость, потому что я собираюсь раздвинуть ее, как песчинку под ногтем.

Никогда не думала, что Азиза может быть настолько язвительной и грубой. От ее слов было тяжело дышать, и мне не верилось, что именно она так говорила со мной.

– Попробуй, – прошептала я. – Если это доставит тебе удовольствие, Азиза.

– Ты теперь будешь няней моего ребенка, – заявила она, насмешливо скривив губы. – Но не думай, что это придает тебе какое-то значение. Ты всего лишь работница, обязанная служить мне прежде всего.

Я продолжала держать взгляд прямо на ее лице, я не хотела, чтобы она знала сколько боли причинила мне своими словами, сколько разочарования. Кажется, на меня сыплется удар за ударом, и этот один из самых чувствительных.

– Если ты совершишь хоть одну ошибку, тебе придется расплачиваться за нее, – продолжила она, насмехаясь. – И помни, ты здесь только потому, что я позволила. Выгоню тебя в момент, когда захочу.

Ненависть кипела в каждом ее слове, и она наслаждалась, демонстрируя свою власть.

– Так что лучше тебе следить за каждым шагом, Вика-Аллаена. И помни, что твоя жизнь теперь в моих руках, – закончила она с леденящей угрозой в голосе.

Я молча кивнула, не позволяя ей увидеть своего разочарования и сдерживая слезы, глотая их изо всех сил, чтобы она не увидела моего отчаяния. В этот момент я поклялась себе, что не сдамся, что бы ни произошло.

Азиза, уходя, словно королева, напомнила мне о моей ничтожности, предупредив, что вечером мне придется быть у неё. Сердце моё билось в отчаянии, а слёзы жгли склеры, выедали глаза, потому что я не позволяла себе заплакать. Но где-то в глубине меня зажглась искра сопротивления, воля сражаться за то, чтобы не потерять последний кусочек себя в этой тьме.

Вспоминая те моменты, когда Азиза была рядом, служа и поддерживая меня, я чувствовала тепло внутри себя, я любила ее, я верила ей. Она была моей тенью в жаркие дни и светом в темные ночи. Бывали моменты, когда её забота была как ласковое прикосновение, способное согреть меня даже в самые адские минуты.

Я помню, как она беззаветно стояла рядом, готовая выполнять любую просьбу. Её руки были моей опорой. В тот момент она была мне не просто служанкой, а настоящей подругой.

И вот теперь, стоя перед этой необъяснимой ненавистью в её глазах, я не могу понять, как всё так изменилось. Куда исчезла та теплая дружба, что была между нами? Воспоминания о её заботе кажутся теперь какими-то отдалёнными, ненастоящими, будто пережитыми с другим человеком, а злоба, которая искажала ее лицо, перечеркивала ту заботу, с которой она всегда относилась ко мне раньше. словно ее подменили... подменили и превратили в какого-то монстра. В какой момент я настолько разочаровала ее.

Может быть, я должна постараться понять, что происходит. Возможно, за этой стеной ненависти осталась какая-то боль, которую она не решается высказать.

Когда она ушла, я устроилась на краю кровати, которую мне предоставили в этом доме – в этом роскошном, но адском месте. Сердце моё колотилось так сильно, будто сейчас разорвет мою грудную клетку. В душе царил хаос, я в апокалипсисе, я горю и сгораю, и нет конца этому пепелищу. Я не сомневалась, что это Самада настроила Азизу, и ее, и Аят и, может быть, даже Алену. И я какая-то маленькая пешка в этой странной и страшной игре, где каждый ход делала та, кто держал в руках козырные карты.

Эта работа была нужна мне, она стала не только средством выживания, но и той единственной нитью, что связывала меня с этим домом, даже несмотря на весь его мрак и тайны. Я молилась, чтобы все получилось. Чтобы эмир нашел моего сына, как обещал. Ради этого можно стерпеть что угодно.

Мысли об Ахмаде пронзали моё сердце, словно острое лезвие, глубоко погружаясь в развороченную душу, проникая так сильно, что я чуть не задохнулась. Моя любовь к нему – неиссякаемый источник боли, а его взгляд, полный холодной ненависти, как смертельный удар ножа, которым он кромсал меня снова и снова. Я была готова унижаться, лишь бы быть рядом с ним, но каждый раз я осознавала, как беспощаден путь, усеянный осколками его жестокости.

В углу этой темной комнаты, наполненной лишь горечью и тишиной, я теряюсь в мраке своих мыслей. Я совершенно одинока и беспомощна и не знаю, что будет дальше.

Мой ребёнок – мой свет в этой бескрайней тьме – украден, и это самое страшное после смерти, самое жуткое, что может пережить мать. Неведомые силы утащили его из моих объятий, когда он был ещё таким маленьким и беззащитным. С каждым мгновением моя боль становится тяжелее, как цепь, которую я несу на себе, таща за собой по дороге, усеянной битыми осколками моих надежд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.